

Е. Ю. Зубкова

**ЦЕНТР И БАЛТИЙСКИЕ РЕСПУБЛИКИ:
«ПЕРЕЗАГРУЗКА» ВЗАИМООТНОШЕНИЙ в 1950-е гг.***

doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-112-119

УДК 94(474)“1953/1959”

ББК ББК 63.3(451)

Период 1953–1959 гг. — один из наиболее динамичных в истории взаимоотношений между союзным центром и национальными регионами. Рамочные условия перемен определялись центром, но республики по-разному к ним адаптировались и по-разному их использовали. Статья фокусируется на трех советских балтийских республиках — Латвии, Литве, Эстонии. Имеющие самую короткую «советскую историю» (в отличие от «старых» республик СССР), они оказались наиболее восприимчивыми к попыткам модернизации системы и поискам нового формата отношений между союзным центром и национальной периферией. Процесс «переформатирования» («перезагрузки») отношений в системе «центр–республики» строился на поиске баланса между стремлением центра, с одной стороны, сохранить контроль над регионами и его готовностью поделиться с ними частью полномочий — с другой. Он начался с признания неэффективности репрессивных практик инкорпорации «новых территорий» в советскую систему, попыток внести коррективы в кадровую политику (коренизация), расширения пространства для артикуляции национальных интересов. Экономический контекст происходивших перемен определили стартовавшие позднее опыты по реорганизации системы планирования и управления (децентрализация и расширение хозяйственных прав союзных республик). Следующим шагом в этом направлении стал пересмотр бюджетной политики в пользу национальных/региональных экономик. В 1950-е гг. меняется формат отношений между центром и политическими элитами балтийских республик, о чем свидетельствуют, в частности, сценарии развития конфликтных ситуаций. В отличие от жестких практик контроля предыдущих лет центр использует более гибкую тактику, делегируя решение конфликтных и проблемных ситуаций вообще в республики (Латвия, Литва). Новые практики становятся одновременно тестом качества республиканских элит. Вместе с тем «перезагрузка» не затронула базовые принципы функционирования системы «центр–республики», что стало очевидным уже в начале 1960-х гг.

Ключевые слова: СССР, Литва, Латвия, Эстония, центр, регионы, кадровая политика, реформы, экономика, конфликты, 1953–1959 гг.

Период «оттепели» традиционно ассоциируется со временем перемен. Точно так же общим местом является упоминание о прерывистости и незавершенности процесса начатых тогда преобразований. Это наблюдение в полной мере относится и к сфере отношений между союзным центром и национальными регионами. Пытался ли центр выстроить новую модель взаимоотношений с регионами и республиками или речь шла о перераспределении функций в рамках прежней базовой модели? Насколько предложенная рамка «пе-

резагрузки» отношений учитывала национальную специфику и потенциал регионов? Как республики использовали вновь открывшиеся возможности? Спектр ответов на эти вопросы может быть столь же широк, как и представленные на карте страны регионы.

1950-е гг. оцениваются историками как период наибольшей самостоятельности региональной элиты.¹ В то же время О. В. Хлевнюк замечает, что, несмотря на расширение самостоятельности региональных структур, принципиальных изменений в системе «центр–регионы» не произошло, поскольку такого намерения у центральной власти не существовало.² Это замечание справедливо, и обращение к опыту

*Зубкова Елена Юрьевна — д.и.н., г.н.с., руководитель Центра социальной истории России, Институт российской истории РАН (г. Москва)
E-mail: elena.zubkova@mail.ru*

* Статья подготовлена в рамках Программы ФНИ государственных академий наук «Культурно-сложные общества: понимание и управление», проект «Советский народ: между реальностью и утопией (1950–1980-е гг.)» (рук. Е. Ю. Зубкова)

¹ См.: Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956): исследования и документы. М., 2010. С. 61; Хлевнюк О. Система центр–регионы в 1930–1950-е годы. Предпосылки политизации «номенклатуры» // Cahiers du Monde russe. 2003. Т. 44, № 2/3. С. 263–267.

² См.: Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М., 2009. С. 10.

«перезагрузки» 1950-х гг. позволяет оценить не только потенциал реализованных и не реализованных тогда проектов, но и пределы их эффективности при сохранении базовых политических и экономических констант.

Рамочные условия (границы возможного), безусловно, определялись центром, но республики по-разному к ним адаптировались и по-разному их использовали. Сфокусируем свое внимание на трех советских балтийских республиках — Латвии, Литве, Эстонии. Имеющие самую короткую «советскую историю» (в отличие от «старых» республик СССР), они оказались наиболее восприимчивыми к попыткам модернизации системы и поискам нового формата отношений между союзным центром и национальной периферией.

«Новый курс» 1953 г.

Первые признаки «перезагрузки» отношений между союзным центром и национальными регионами наметились весной 1953 г. Инициатором «нового курса» выступил министр внутренних дел СССР Л. П. Берия, а поводом стал анализ ситуации в западных регионах страны, прежде всего на Западной Украине и в Литве.³ Министр руководствовался прагматическими соображениями: его главной заботой как руководителя соответствующего ведомства было наличие вооруженной оппозиции советскому режиму, которую он считал основной причиной политической нестабильности на «новых территориях» СССР.⁴ Накануне, в феврале–марте 1953 г., на Западной Украине, в Литве, Латвии и Эстонии прошла масштабная операция по ликвидации вооруженных группировок («лесных братьев»)⁵. Однако эта операция, как и другие подобные акции, сокращая силы вооруженного сопротивления, лишь отчасти решала задачу «умиротворения» потенциально взрывоопасного региона. Очевидная исчерпанность силовых методов советизации требовала смены тактики инкорпорации «новых территорий» в советскую систему.

Л. П. Берия предложил сделать ставку на национальный фактор, прежде всего в вопросах кадровой политики. Представители ти-

тульной национальности («местные») должны были потеснить русских («пришлых») в силовых структурах, а также в партийных, советских и хозяйственных органах. Свои предложения по Западной Украине и Литве Л. П. Берия адресовал Президиуму ЦК КПСС. Судя по оперативности, с которой они прошли обычный в таких случаях порядок обсуждения и согласования, а также процедуру оформления их в виде постановлений Президиума ЦК КПСС, инициативы министра не встретили серьезных возражений со стороны его кремлевских соратников. Более того, к процессу подготовки решений подключился аппарат ЦК КПСС в лице Н. С. Хрущева и его помощников. Эта же команда потом готовила аналогичные предложения по Латвии и Эстонии.⁶ С этого момента «кадровый вопрос», как его представил Л. П. Берия, стал приобретать очертания «национальной политики».⁷ Изменился взгляд на факт существования вооруженного сопротивления: оно стало рассматриваться не как первопричина политической нестабильности, а как следствие целого ряда просчетов политики советизации в целом, в том числе пренебрежения национальной спецификой, огульного применения репрессий, неумения выстроить диалог с интеллигенцией и духовенством, налогового нажима на крестьянство.⁸

Решения центра нашли самый активный отклик в балтийских республиках, где уже в июне 1953 г. началась замена русскоязычных работников на местных. Эти меры вызвали ответную и весьма негативную реакцию со стороны уволенных. Позднее, уже после ареста Л. П. Берии, эксцессы новой кадровой политики поставят в вину бывшему министру — как способствующие «активизации буржуазно-националистических элементов».⁹ Однако, несмотря на официальное осуждение, на практике «новый курс» в национальной политике, в том числе и коренизация, будет продолжаться, но в более сбалансированном виде.

В контексте децентрализации

Национальная специфика находит отражение не только в культуре и языке, она,

³ Подробнее о решениях 1953 г. см.: Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 320–337; Таннберг Т. Указ. соч. С. 81–125; Loader M. Beria and Khrushchev: The Power Struggle over Nationality Policy and the Case of Latvia // Europe-Asia Studies. 2016. № 10. P. 1759–1792.

⁴ См.: Записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС о положении дел в Литовской ССР. 8 мая 1953 г. // Независимая газета. 2005. 5 авг.

⁵ См.: Таннберг Т. Указ. соч. С. 69–79.

⁶ Постановление Президиума ЦК КПСС по Латвии было принято 12 июня 1953 г., по Эстонии был подготовлен только проект решения.

⁷ Лаврентий Берия. 1953: стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 50.

⁸ Там же. С. 50, 51.

⁹ Там же. С. 401.

безусловно, имеет и экономическое измерение. Экономика балтийских республик, несколько десятилетий работавшая на рыночных принципах, с трудом вписывалась в советскую экономическую модель. Проблемы адаптации испытывали разные отрасли экономики бывших независимых стран Балтии, но наиболее очевидно они заявили о себе в аграрном секторе, сельском хозяйстве — главной отрасли экономики Литвы и одной из основных в Латвии и Эстонии.

В 1955 г. по инициативе Н. С. Хрущева было принято решение провести в Риге совещание по вопросам сельского хозяйства.¹⁰ Для его подготовки и более детального изучения положения в республиках туда направились представители аппарата ЦК КПСС. Инспекторы, собиравшие информацию во всех трех республиках в мае 1955 г., пришли к весьма тревожным выводам, имеющим не только экономический, но и политический смысл: основные показатели развития сельского хозяйства в регионе, в том числе по посевным площадям и урожайности, поголовью и продуктивности скота, были ниже показателей 1940 г., а колхозный сектор, по сути, вообще находился в кризисном состоянии (падение культуры агротехники, низкий уровень доходов колхозников и другие проблемы).¹¹

1 декабря 1955 г. Президиум ЦК КПСС принял постановления «О мерах подъема сельского хозяйства» Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, фактически идентичные по своему содержанию.¹² Особенность этих решений — акцент на местной специфике, в том числе на приоритетном развитии животноводства, на необходимости учитывать характер землепользования (разбросанность земельных угодий, наличие больших заболоченных площадей и т. д.).

Перестройка отношений между союзным центром и балтийскими республиками осуществлялась в рамках общего процесса реорганизации системы планирования и управления в СССР. Вектор перемен определял курс на децентрализацию и расширение экономических компетенций союзных республик.

Работа над проектами конкретных решений началась летом 1953 г. Этим вопросом занималась специальная комиссия. Позиция Н. С. Хру-

щева на тот момент — «больше ответственности переложить на плечи республик, оставив за собой контроль и проверку».¹³ Увеличение зоны ответственности республик не могло ограничиться организационными мерами — «механической» передачей ряда ведомств из союзного подчинения в республиканское.¹⁴ Поэтому неизбежно встал вопрос о перераспределении компетенций между союзным центром и республиками в сфере планирования, формирования и исполнения бюджета, регулирования межреспубликанских связей.

Задумывался Н. С. Хрущев и о перестройке работы двух главных институтов принятия решений — ЦК КПСС и Совета Министров СССР: «Работа Президиума ЦК, СМ перегружена. Распределить... ряд вопросов на решение ЦК союзных республик».¹⁵ В январе 1957 г. Н. С. Хрущев так представлял себе перспективы трансформации союзного Совмина: «Видимо, союзное правительство в будущем выльется в форму координации политической и хозяйственной деятельности республик, а союзные республики сами будут решать».¹⁶ В отношении центральных партийных структур взгляды первого секретаря таким радикализмом не отличались. Он рассматривал ЦК КПСС как противовес министерскому лобби и как инстанцию, представляющую общесоюзные интересы в распределении ресурсов и инвестиций.¹⁷

В конце 1956 г. советский лидер уже окончательно определился, в каком направлении будет двигаться реформа управления.¹⁸ Ее суть составлял переход от преимущественно отраслевой модели к территориальной, региональной. Основные контуры реформы (создание совнархозов) определил Пленум ЦК КПСС в феврале 1957 г.; ЦК компартий союзных республик должны были создать специальные комиссии для разработки конкретных схем перестройки управления с учетом местных особенностей.¹⁹

¹³ Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: документы из личного фонда Н. С. Хрущева. Т. 2. М., 2009. С. 237.

¹⁴ На основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 мая 1956 г. из союзного подчинения в республиканское передавались предприятия и организации, относящиеся главным образом к сфере потребления и инфраструктуры (пищевая и легкая промышленность, промышленность строительных материалов, розничная торговля, здравоохранение и др.). ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 653. Л. 356–360.

¹⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний: стенограммы. М., 2003. С. 143.

¹⁶ Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Т. 2. С. 336.

¹⁷ Там же. С. 329.

¹⁸ Там же. С. 319–327.

¹⁹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9. С. 167–174.

¹⁰ См.: Советская модель экономики: союзный Центр и республики Прибалтики. 1953 — март 1965 гг. М., 2015. С. 596, 597.

¹¹ Там же. С. 618–624; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 26. Л. 19–35.

¹² См.: Советская модель экономики. С. 652–661.

Уже первые результаты обсуждения будущей реорганизации показали, что она не встретила особого энтузиазма среди руководителей республик, в том числе и в Прибалтике.²⁰ Сначала только ЦК Компартии Латвии подготовил свой проект реформы. Он состоял из двух вариантов: в одном предусматривалось создание Совета народного хозяйства как управляющего органа, другой вариант больше тяготел к прежней системе управления со смещением полномочий в сторону республиканских министерств. Комиссия ЦК Компартии Эстонии предлагала не упразднить промышленные министерства, а только сократить их количество — с 13 до 7. Руководство Литвы вообще не подготовило никакого проекта, заняв выжидательную позицию. Опасения представителей республик понять можно: к этому моменту они уже вполне интегрировались в общесоюзную систему распределения ресурсов и производственных связей, поэтому видели в грядущей реорганизации реальные риски и потери. Только после того как стало очевидно, что намеченной Н. С. Хрущевым перестройки не избежать, республики представили в ЦК КПСС конкретные планы реорганизации,²¹ а в мае 1957 г. там были созданы советы народного хозяйства.

Вместе с расширением экономических полномочий союзных республик шел процесс укрепления республиканских бюджетов, что отразилось в первую очередь на структуре Государственного бюджета СССР. По закону от 30 октября 1959 г. республики получили в свое распоряжение значительную часть налогов и сборов, которые ранее являлись источниками формирования доходной части союзного бюджета.²² До 1958 г. соотношение между союзной и республиканской частями бюджета складывалось в пользу бюджета союзного: в 1950 г. его доля в консолидированном государственном бюджете СССР составляла 75,8 %, а в 1958 г. — 47 %).²³ Совнархозовская реформа закрепила эту тенденцию: в 1961 г. на долю республиканских бюджетов приходилось уже 59,7 %.²⁴

Одним из основных источников формирования государственного бюджета СССР являлся

налог с оборота: в 1955 г. 86 % этого налога поступило в союзный бюджет, в 1960 г. — 64,7 %.²⁵ По отдельным союзным республикам порядок и суммы отчислений существенно различались.²⁶ Среди балтийских республик наиболее существенную роль налог с оборота играл в бюджете Литвы: в 1955 г. в распоряжении республиканского бюджета осталось 32,4 % средств от налога с оборота, в 1960 г. — 61,4 % (в 1965 г. — почти 80 %). В Эстонии в 1960 г. 51 % средств, полученных от налога с оборота, был направлен в республиканский бюджет (в 1955 г. — только 19,2 %). Латвия как республика, развитая в экономическом отношении и имеющая на своей территории значительную долю предприятий союзного подчинения и оборонной промышленности, большую часть поступлений от налога с оборота передавала в союзный бюджет, хотя и она смогла добиться увеличения доли отчислений по этой статье в бюджет республики — с 11 % в 1955 г. до 19,3 % в 1964 г.

В «совнархозовский период», когда значительная часть ресурсов и отраслей перешла в управление регионов, республиканские власти стремились максимально использовать открывшиеся возможности для развития национальных экономик. Не случайно после новой реорганизации 1965 г., в результате которой крупные предприятия и стройки вновь передавались в ведение союзных министерств, республики утратили интерес к развитию целых отраслей и направлений, перешедших в «чужие руки». Поэтому в Литве, например, уменьшилась заинтересованность республиканских властей в дальнейшем строительстве крупных энергетических и промышленных объектов и основное внимание переключилось на сельское хозяйство, строительную индустрию, развитие инфраструктуры.²⁷

Центр и национальные элиты: форматы взаимодействия

Перемены в отношениях Москвы с балтийскими политическими элитами в 1953 г. начались с формального момента — с «рокировки»

²⁰ См.: Советская модель экономики. С. 128–132.

²¹ Там же. С. 133–142.

²² См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 4. С. 616–625.

²³ См.: Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик: стат. сб. М., 1962. С. 6.

²⁴ См.: Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик: стат. сб. М., 1966. С. 9.

²⁵ Здесь и далее рассчитано по: Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. М., 1966. С. 14, 15.

²⁶ В доходную часть бюджета РСФСР в 1955 г. было направлено 6,2 % поступлений налога с оборота, в 1965 г. — 29 %. Некоторые республики получили право оставлять у себя от 90 до 100 % налога с оборота (Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Армения). Перераспределение налога с оборота в пользу этих республик являлось частью дотационного механизма.

²⁷ См.: Grybkauskas S. Sovietinė nomenklatura ir pramonė Lietuvoje 1965–1985 metais. Vilnius, 2011. P. 408; Ivanauskas V. Lietuviškoji nomenklatura biurokratinėje sistemoje: Tarp stagnacijos ir dinamikos (1968–1988). Vilnius, 2011. P. 642, 643.

в секретарском корпусе. По советской политической традиции при сохранении поста первого секретаря республиканской компартии за представителями титульной национальности второй секретарь, как правило, был русским (русскоязычным).²⁸ В июне–августе 1953 г. произошла замена «русских» секретарей на «своих»: в Латвии на место В. Ершова пришел В. Круминьш, в Литве В. Аронов уступил свой пост М. Шумаускасу, в Эстонии вторым секретарем ЦК после В. Косова стал Л. Ленцман.²⁹

Вторая кадровая реорганизация, означавшая практически возврат к прежним практикам, планировалась двумя годами позднее, в 1955 г. Поводом для нее стал анализ ситуации в аграрном секторе экономики балтийских республик. Во время обсуждения итогов июньского совещания в Риге по вопросам сельского хозяйства Н. С. Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС бросил странную фразу: «Руководители слабые (но хорошие)».³⁰ Первая реакция Москвы — «усилить» руководство республик, направив туда «опытные» кадры из других регионов страны. Соответствующие кадровые решения в отношении Литвы и Латвии, предусматривающие назначение еще одного первого заместителя председателя Совета министров республики, были подготовлены аппаратом ЦК КПСС в июле 1955 г.³¹ Не справившихся со своей задачей некоторых республиканских руководителей предлагалось послать в Москву, на курсы секретарей обкомов партии при ЦК КПСС. Однако рожденный в аппарате союзного ЦК проект кадровой реорганизации так и не был до конца реализован.

Экономическую компоненту в руководстве балтийских республик решили усилить по другой линии — партийной: число секретарей республиканских ЦК увеличили до пяти, пятый секретарь курировал экономические вопросы. Кандидаты на этот пост подбирались непосредственно в республиках из числа литовцев, латышей и эстонцев, имеющих соответствующую профессиональную квалификацию — знание экономики и опыт практической работы.

В конце 1955 г. пятые секретари были избраны во всех трех республиках: в Литве на эту должность пришел министр городского и сельского строительства республики И. Манюшис, в Латвии — заведующий промышленно-транспортным отделом республиканского ЦК А. Миглиник, в Эстонии — министр промышленности товаров широкого потребления республики Э. Ристмяги. Со временем «пятые» будут играть все более заметную роль в решении экономических вопросов республик, в том числе и в выстраивании экономических отношений с центром. Как справедливо заметил С. Грибкаускас, если «русские» вторые секретари выступали в роли представителей интересов центра и осуществляли контроль за республиканским руководством, то пятые секретари могут рассматриваться как выразители идей и практик «экономического национализма».³² Несмотря на то что формально секретари по экономике числились пятыми, некоторые из них стали весьма влиятельными персонами в своих республиках. Так, И. Манюшис был назначен впоследствии председателем Совета Министров Литовской ССР и даже считался одним из главных претендентов на пост первого секретаря ЦК Компартии республики после смерти А. Снечкуса. Первый секретарь ЦК КП Литвы периода «перестройки», а потом и президент Литовской республики А. Бразаускас тоже вышел из «пятых». Секретарь по экономике ЦК КП Эстонии К. Вайно в 1978 г. стал первым секретарем ЦК КПЭ.

Представление об изменении формата отношений между центром и республиканскими элитами в годы «оттепели» дает сравнение сценариев развития двух кадровых чисток — в Эстонии (1950 г.) и в Латвии (1959 г.). «Эстонское дело» было инициировано Москвой и развивалось под непосредственным контролем центра.³³ В «латвийском деле» главной пружиной конфликта являлись внутренние противоречия — противостояние «национал-коммунистов» и «консерваторов» в латвийском руководстве.³⁴ Москва, точнее «московская фракция» (по выражению М. Лоудера),

²⁸ Подробнее о советских номенклатурных практиках и отношениях между центром и региональными элитами см.: Хлевнюк О. Система центр–регионы в 1930–1950-е годы. С. 253–267; Он же. Региональная власть в СССР в 1953 — конце 1950-х гг. Устойчивость и конфликты // Российская история. 2007. № 3. С. 31–49.

²⁹ См.: Misiunas R. J., Taagarpera R. The Baltic States. Years of Dependence. 1940–1991. Berkeley; Los Angeles, California. 1993. P. 352; Таннберг Т. Указ. соч. С. 41.

³⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 54.

³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 26. Л. 40–41, 45.

³² Grybkauskas S. Op. cit. P. 111–138.

³³ Об «эстонском деле» 1950–1952 гг. см.: Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. С. 300–319; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М., 2004. С. 248–251.

³⁴ Подробнее о конфликте в Латвии 1959 г. см.: Loader M. The death of 'Socialism with a Latvian Face': The purge of the Latvian national communists, July 1959–1962 // Journal of Baltic Studies. 2017. Vol. 48, iss. 2. P. 161–181; Prigge W. D. The Bearslayers: The Rise and Fall of the Latvian National Communists. New York, 2015; Idem. The Latvian purges of 1959: A revision study // Journal of Baltic Studies. 2004. Vol. 35, iss. 3. Autumn. P. 211–230.

играла в этом процессе закулисную роль, подерживая группу «консерваторов» во главе с А. Я. Пельше. Что касается Н. С. Хрущева, то он, несмотря на первую бурную эмоциональную реакцию,³⁵ в дальнейшем дистанцировался от конфликта, делегировав его решение латвийцам. «Пусть латыши сами решают», «латыши сами найдут домашние средства лечения», — настаивал первый секретарь во время обсуждения ситуации в Латвии на заседании Президиума ЦК КПСС 1 июля 1959 г.³⁶ По его мнению, ничего экстраординарного в Латвии не произошло («никакой там трагедии нет»), поэтому вмешательство Москвы, Президиума ЦК в данном случае излишне («не стоит калечить людей», «нам нужно лечить, а не уничтожать»).³⁷ Между тем речь шла о серьезных политических обвинениях, предъявленных части латвийских функционеров: это и национализм, и стремление к автаркии, и нежелание развивать в республике крупную промышленность и т. д. — вещи, к которым Н. С. Хрущев относился весьма болезненно.

Тем не менее, в отличие от сценария развития «эстонского дела» 1950 г., специального постановления о ситуации в Латвии в 1959 г. ЦК принято не было. Развитие конфликта и его кадровые последствия находились под контролем, но без прямого вмешательства в процесс. Чистка латвийского руководства, несмотря на ее масштабность, происходила по более «мягкому» варианту, нежели в Эстонии, а все потерявшие высокие посты фигуранты сохранили партийные билеты и остались в Латвии, за исключением Э. Берклавса (бывшего заместителя председателя Совета министров Латвии), «отправившегося» командовать кинопрокатом во Владимирскую область. Более того, когда спустя некоторое время А. Пельше будет пытаться удалить В. Круминьша, А. Никонова, П. Дзерве и других «штрафников» из Латвии, его инициатива не найдет поддержки в Москве.³⁸

³⁵ 9–13 июня 1959 г. Н. С. Хрущев находился в Риге вместе с делегацией ГДР. Накануне возвращения в Москву он встречался с руководством Латвийской ССР и был настроен позитивно. Однако после визита другой «делегации» во главе с генералом Н. С. Дёминым, представившей якобы компрометирующие материалы на группу «национал-коммунистов», настроение Н. С. Хрущева изменилось. Для расследования ситуации в республике была назначена комиссия во главе с А. М. Мухитдиновым. Результаты ее работы рассматривались на Президиуме ЦК КПСС 22 июня и 1 июля 1959 г.

³⁶ См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 377, 378, 381.

³⁷ Там же. С. 377, 381.

³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 147. Л. 91–92.

Приход к власти группы «консерваторов» действительно имел для Латвии печальные последствия, однако подобный сценарий развития событий не был предопределен — в этом заключается еще одна особенность периода «оттепели». В соседней Литве практически синхронно происходили аналогичные процессы, но республиканским лидерам удалось сохранить *status quo*. Из обеих республик в Москву поступали «сигналы» (официальные и анонимные) о «националистических проявлениях». В апреле–мае 1959 г. в Латвии и Литве работали две бригады инспекторов ЦК КПСС и КПК, которые в своих выводах достаточно критически оценили ситуацию в республиках, отметив ущемление прав представителей нетитульных национальностей, вытеснение русского языка из сферы делопроизводства, образования и т. д. По результатам проверки в Латвии была составлена докладная записка,³⁹ а по Литве ЦК КПСС принял 28 мая 1959 г. специальное постановление «О работе ЦК КП Литвы с кадрами».

А. Снечук и в целом руководство Литвы действовали точно в соответствии с принятой процедурой реагирования на решения Москвы: провели пленум, частично признали ошибки, списав их на «неправильные действия отдельных руководителей», и пообещали всерьез заняться «интернациональным воспитанием кадров».⁴⁰ Группа же «национал-коммунистов» в руководстве Латвии оказалась расколотой и упустила время, а вместе с тем и вполне реальный шанс сохранить и упрочить свои позиции в противостоянии «консерваторам».

Период 1953–1959 гг. — один из наиболее динамичных в истории взаимоотношений между союзным центром и национальными регионами. Процесс «переформатирования» этих отношений строился на поиске баланса между стремлением центра сохранить контроль над регионами, с одной стороны, и готовностью поделиться с ними частью полномочий — с другой. Он начался с признания неэффективности репрессивных практик инкорпорации «новых территорий» в советскую систему, с попыток внести коррективы в кадровую политику (коренизация), с расширения

³⁹ См.: Региональная политика Н. С. Хрущева. С. 223–231.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 123. Л. 118–121.

пространства для артикуляции национальных интересов. Экономический контекст происшедших перемен определили стартовавшие позднее опыты по реорганизации системы планирования и управления — децентрализация и расширение экономических компетенций союзных республик. Следующим шагом в этом направлении стал пересмотр бюджетной политики в пользу национальных/региональных экономик.

Курс на децентрализацию управления касался всех национальных республик, однако именно в Прибалтике — в силу сочетания благоприятных факторов для экономического роста, целевой инвестиционной политики и культурной традиции — почва для его реализации оказалась наиболее адекватной. В результате, несмотря на неизбежные проблемы и возникшие диспропорции, период существо-

вания совнархозов оказался одним из наиболее экономически успешных в советский период истории балтийских республик.

В 1950-е гг. меняется формат отношений между центром и политическими элитами балтийских республик, о чем свидетельствуют, в частности, сценарии развития конфликтных ситуаций. В отличие от жестких практик контроля предыдущих лет, центр использует более гибкую тактику, делегировав решение конфликтных и проблемных ситуаций вообще в республики (Латвия, Литва). Новые практики становятся одновременно тестом качества республиканских элит. Вместе с тем «перегрузка» взаимоотношений между Москвой и республиками не затронула базовые принципы функционирования системы «центр–регионы», что станет очевидным уже в начале 1960-х гг.

Elena Yu. Zubkova

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: elena.zubkova@mail.ru

THE CENTER AND THE BALTIC REPUBLICS: “RESET” OF RELATIONS IN THE 1950s

The period of 1953–1959 is one of the most dynamic in the history of relations between the Union center and national regions. The framework conditions for change were determined by the center, but the republics adapted to them differently and used them variously. The article focuses on the three Soviet Baltic republics — Latvia, Lithuania and Estonia. With the shortest “Soviet history” in contrast to the “old” USSR republics, they turned out to be the most susceptible to attempts of modernizing the system and searching for a new format of relations between the Union center and the national periphery. The process of “reformatting” (“resetting”) relations in the “center–republics” system was based on finding a balance between the center’s effort, on the one hand, to retain control over the regions and, on the other, its willingness to share with them some of the powers. It began with recognition of the ineffectiveness of repressive practices of incorporating “new territories” into the Soviet system, attempts to make adjustments to personnel policy (indigenization), and expansion of the scope for articulating national interests. The economic context of these changes was determined by the later experiments with reorganization of the planning and management system (decentralization and expansion of the economic rights of the Union republics). The next step in this direction was the revision of budget policy in favor of national/regional economies. In the 1950s the format of relations between the center and the political elites of the Baltic republics was changed, as evidenced, in particular, by the scenarios of the development of conflict situations. Unlike rigid practices of control during previous years, the center uses more flexible tactics, delegating the resolution of conflict and problem situations to the republic (Latvia, Lithuania). New practices become simultaneously a test of quality for the republican elites. At the same time, the “reset” did not affect the basic principles of the functioning of the “center–republics” system, which became evident in the early 1960s.

Keywords: *USSR, Lithuania, Latvia, Estonia, center, regions, personnel policy, reforms, economics, conflicts, 1953–1959*

REFERENCES

- Ivanauskas V. *Lietuviškoji nomenklatūra biurokratinėje sistemoje: Tarp stagnacijos ir dinamikos (1968–1988)* [Lithuanian nomenclature in the bureaucratic system: between stagnation and dynamics (1968–1988)]. Vilnius: LII leidykla, 2011, 661 p. (in Lithuanian).
- Grybkauskas S. *Sovietinė nomenklatūra ir pramonė Lietuvoje 1965–1985 metais* [Soviet nomenclature and industry in Lithuania in 1965–1985]. Vilnius: LII leidykla, 2011, 438 p. (in Lithuanian).
- Khlevnyuk O. [Regional authorities in the USSR from 1953 till the late 1950s. Stability and conflicts]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2007, no. 3, pp. 31–49. (in Russ.).
- Khlevnyuk O. [Center–regions system in the 1930–1950s. Prerequisites of the “nomenclature” politicization]. *Cahiers du Monde Russe* [Cahiers du Monde Russe], 2003, vol. 44, no. 2/3, pp. 253–268. (in Russ.).
- Loader M. Beria and Khrushchev: The Power Struggle over Nationality Policy and the Case of Latvia. *Europe-Asia Studies*, 2016, no. 10, pp. 1759–1792. (in English).
- Loader M. The death of ‘Socialism with a Latvian Face’: The purge of the Latvian national communists, July 1959–1962. *Journal of Baltic Studies*, 2017, vol. 48, iss. 2, pp. 161–181. (in English).
- Misiunas R. J., Taagapera R. *The Baltic States. Years of Dependence. 1940–1991*. Berkely; Los Angeles, California: University of California Press, 1993, 400 p. (in English).
- Prigge W. D. *The Bearlayers: The Rise and Fall of the Latvian National Communists*. New York: Peter Lang, 2015, 174 p. (in English).
- Prigge W. D. The Latvian purges of 1959: A revision study. *Journal of Baltic Studies*, 2004, vol. 35, iss. 3, pp. 211–230. (in English).
- Tannberg T. *Politika Moskvj v respublikakh Baltii v poslevoyennyje gody (1944–1956): issledovaniya i dokumenty* [The Politics of Moscow in the Baltic Republics in the Postwar Years (1944–1956): Research and Documents]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, 431 p. (in Russ.).
- Zubkova E. Yu. *Pribaltika i Kreml’. 1940–1953* [The Baltic States and the Kremlin. 1940–1953]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, 351 p. (in Russ.).